

ДРЕЙФУЮЩАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УЧАСТНИКОВ ДИГИТАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.А. Романов

В статье поднимается проблема идентичности человека говорящего как активного участника в конвергентном сетевом пространстве дигитальных коммуникаций. Вносимые цифровой парадигмой изменения в систему новых коммуникативных отношений в обществе проявляют себя в дигитальных коммуникативных практиках, каузирующих трансформации оснований идентичности субъектов, реализующих свои коммуникативные роли участников дигитальной интеракции. Показано, что изменение форм поведения человека говорящего как когнитивного агента и участника дигитальной коммуникации, а также переоценка им функционально-семантического (прагматического) статуса используемых в дигитальной интеракции коммуникативных практик обуславливают появление у интерактантов новых форм “дрейфующей” идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: агентивно-подобные системы, дигитальная грамотность, дигитальная коммуникация, дрейфующая идентичность, комбинированная реальность, регулятивное взаимодействие, сетевая идентичность, цифровизация

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации. romanov_tgsha@mail.ru

Цитирование: Романов А.А. Дрейфующая идентичность участников дигитальной коммуникации [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 2. – С. 16–33. Режим доступа: www.tverlingua.ru

DRIFTING IDENTITY OF PARTICIPANTS IN DIGITAL COMMUNICATION

Aleksey A. Romanov

The article raises the problem of the identity of the speaker as an active participant in the converged network space of digital communications. The changes introduced by the digital paradigm to the system of new communicative relations in society manifest themselves in digital communicative practices, causative of the transformation of the foundations of the identity of the subjects, realizing their communicative roles of participants in digital interaction. It is shown that changes in the forms of behavior of a person speaking as a cognitive agent and participant in digital communication, as well as his reassessment of the functional-semantic (pragmatic) status of communicative practices used in digital interaction cause the appearance of new interactants` forms of “drifting” identity.

KEY WORDS: agent-like systems, digital literacy, digital communication, drifting identity, combined reality, regulative interaction, network identity, digitalization

ROMANOV Aleksey A. – DSc in Philology, Professor, Head of the theory of language and intercultural communication, the director of Tver Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of Tver State Agricultural Academy; professor of the chair fundamental and applied linguistics of Tver State University, Honored scientist of the Russian Federation. romanov_tgsha@mail.ru

Citation: Romanov A.A. Drifting identity of participants in digital communication [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2021, № 2. – P. 16–33. Access mode: www.tverlingua.ru

Средство (или технологический прогресс) нашего времени – электронная техника – придаёт новую форму и перестраивает схемы социальной взаимозависимости, а также каждый аспект нашей личной жизни.

Маршалл Маклюэн

Введение в проблему

Масштабы и размах намеченных прорывных или дезруптивных подходов к преобразованиям общества, обусловленных темпами развития и интенсивного распространения парадигмального формата цифровых (виртуальных) технологий, неизбежно побуждают его членов к пересмотру нормативных и ценностных баз нравственности, морали и поведения в целом. Взятый курс на доминирование “отцифрованных” преобразований в общественной жизнедеятельности индивидов находит своё отражение в меняющейся системе выработки и формирования нового опыта взаимодействия между собой как в социокультурном пространстве, так и в коммуникативно - функциональном пространстве обыденных или повседневных – от общих до узкоспециализированных и сетевых – практик вербально-авербального взаимодействия, в результате чего допускаются изменения форм коммуникации и форм поведения в широком смысле.

В этих обстоятельствах допускается, по утверждению К. Шваба (Шваб, 2016: 104-105), даже возможная «потеря человеческой коммуникации» и появление таких конвергентно-комбинированных коммуникативных ситуаций, в которых “агентивные” системы-устройства станут не просто обмениваться информацией и действиями с людьми как с естественными партнёрами (партнёром) на основе декларативно-процедурных сведений или знаний о ситуативном окружающем мире реальных вещей, дел и событий, а будут рассматривать друг друга в качестве равноправных партнеров новой

особой – коммуникативно - цифровой – разновидности конвергентного взаимодействия или цифровой коммуникации (подробнее см.: Романов, 2020; Романов, Романова, 2017; 2019; 2021; Romanov, Romanova, 2021). Очевидно, что выделенная разновидность конвергентного взаимодействия предоставляет его участникам (актерам) возможность каждому интерактивному субъекту и как когнитивному агенту, и как актору-участнику реализовывать себя в формате единого интегративного гиперпространства, опирающегося на комплекс виртуально-коммуникативного, сценарно-сконструированного (программного) и информационно-символического пространств.

Отмеченные тенденции проявления допустимых изменений форм конвергентной цифровой коммуникации и связанных с ними “дрейфующих” –перетекающих, меняющихся, переходящих из одной в другую – форм поведения человека говорящего и как “*homo loquens*”, и как “*homo socialis*”, и как “*homo informaticus*”, и как “*homo communicator*” – “*homo communicans*” – “*homo communicabilis*”, и как “*homo medialis*”, и, конечно же, как “*homo digitalis*” оказывают влияние на особенности его самооценки, самовыражения и социального позиционирования (демонстрирования) в своих коммуникативно-дискурсивных практиках как в повседневной жизни, так и в “отцифрованных” многозадачных практиках цифровой коммуникации. Доминантное пребывание человека говорящего в условиях цифровой коммуникации как «супермногофункциональной личности» и постоянная череда мены (“дрейфа”) форм своего социально-интерактивного поведения в конвергентном, кибернетическом пространстве онлайн-жизни не могут не сказываться на его самосознании, мировоззрении, понимании и системе оценок *близости* (например: «свой – чужой», «иной – другой», «друг – враг»), *подлинности* и *имитации* (в частности: «истинное – ложное», «настоящее – «поддельное / фальшивое», «реальное – фабрикованное / обманное / мнимое»).

Таким образом, можно, вслед за Д.П. Барлоу, полагать, что «творя в Киберпространстве цивилизацию Сознания», человек говорящий тем самым «высвобождает свои виртуальные “Я” от (их телесного – А.Р.) владычества». И такая цивилизация сознания, в которой идентификация когнитивного субъекта проявляется в результате деятельностного и результативного процесса предъявления / явления себя через вербально - авербальные коммуникативные практики (т.е. путём результативного «сотворения в Киберпространстве цивилизации Сознания»), «будет более человеческой и честной, чем (реальный, добавил бы автор данной статьи) мир» (Барлоу, 2004: 350-354).

В этой связи неизбежно встают вопросы о расширении поиска оснований для реализации идентификации человека говорящего как активного участника цифровой коммуникации с учётом “дрейфующей” смены ролевых проявлений его сетевого социально-интерактивного поведения. В этом отношении представляется целесообразным рассмотреть в рамках одного из важных направлений вопрос об особенностях самовыражения и социального позиционирования человека говорящего (“homo loquens”) как «супермногофункциональной интернет-личности», поскольку этот вопрос позволяет с новых позиций осветить существующие в языкознании и теории коммуникации положения о роли автора как говорящего субъекта в типовых коммуникативных ситуациях и экспликации его речевых (ситуативных) проявлений

Цели и задачи исследования

Поэтому вполне закономерно, что сегодня крайне актуальными становятся вопросы, связанные с выяснением предпосылок процесса формирования и репрезентации «цифровой / сетевой дрейфующей идентичности» участников такого комбинированного акта общения в условиях новой «цифровой парадигмы» и с описанием коммуникативного статуса участников указанного типа общения в сетевом конвергентном

пространстве цифровых интеракций. В этой связи возникает необходимость попытаться ответить на вопрос: как создаваемое “отцифрованными” технологиями сетевое конвергентное пространство влияет на появление соответствующей «цифровой» или «дигитальной коммуникации» и “отцифрованной” идентичности её участников. В частности, необходимо уяснить природу оснований процесса дрейфующей модификации цифровой идентичности в условиях дигитальной коммуникации, а также проследить влияние этого процесса на коммуникативную специфику конструктивного оформления вербально-авербальных демонстративных практик, используемых участниками (актерами) сетевого конвергентного взаимодействия.

Методы исследования

Отправной посылкой исследования является представление дигитальных коммуникативных практик как вербальных действий демонстративного типа поведения интерактантов в дигитальной коммуникации, направленных как *на решение* глобальной коммуникативной задачи расширять и адаптировать под свои цели сферу применения комбинированного функционального пространства цифровых технологий, так и *на интенсификацию* “погружения” в это пространство каждого участника в ролевой позиции «человека говорящего» (*homo loquens*) в его ролевых позициях «человека социального» (*homo socialis*), «человека информативного» (*homo informaticus*), «человека коммуникативного» (“*homo communicator*” – “*homo communicans*” – “*homo communicabilis*”), «человека медийного» (*homo medialis*) и «человека дигитального» (*homo digitalis*), чтобы по мере освоения им “дигитальной грамотности” и реализации своих установок каждый участник смог подготовить себя к постепенному “расширению” (дрейфу) личностной и коммуникативной мобильности своей идентичности до необходимых параметров комплексной, интерактивно-ролевой позиции «человека коммуникативного / медийного /

сетевого» (*homo medialis / homo informaticus*) и «человека дигитального» (*homo digitalis*), бытующего в пределах конвергентно-комбинированной (расширенной, совмещённой, сложной) реальности физической и киберсетевой сфер или миров.

Описание вербального поведения человека говорящего как актора в дигитальной коммуникации и выявление специфики его «погружения» в сферу комбинированных интеракций с любыми другими её участниками обуславливает применение широкого инструментария теории речевой деятельности, теории речевых актов, психосемантики и функционально - семантического анализа диалогических практик как синергийных регулятивных единиц (регулятивов) дигитальной интеракции. Отправной посылкой исследования является трактовка дигитальных регулятивов как вербальных действий, раскрывающих демонстративный тип поведения интерактантов в дигитальной коммуникации, чтобы они по мере *освоения* «дигитальной грамотности» и *реализации* своих установок могли бы подготовить себя к постепенному «расширению» личностной и коммуникативной мобильности (дрейфа) своей идентичности.

Исследовательская часть

1. «Человек цифровой» (*homo digitalis*) как «супермногофункциональная» личность в конвергентном пространстве сетевых коммуникаций

В терминологии М. Шпитцера (2014: 178-184), «супермногофункциональные» личности – это люди цифровой эры, рождённые в эпоху расцвета Интернета и доминирования (господства) «поверхностного брожения по Сети», которые обладают когнитивными способностями, выходящими за пределы наших сегодняшних представлений о способностях человека *одновременно реализовывать* многозадачные решения, и в то же время ссылаются «на отсутствие интереса не только к проявлениям реальной жизни, но и к социальным навыкам» в пространстве

обыденного обращения (коммуникативного взаимодействия) друг с другом. Находясь в определенной зависимости от электронного технологического инструментария, «такие люди не видят реальной необходимости изменять своё привычное поведение», чтобы приспособиться к реальностям жизненного пространства в новой цифровой парадигме общества, поскольку «их среда обитания» – привычное, удобное и комфортное пребывание в сетевом (кибер-виртуальном) пространстве интернет.

“Супермногофункциональная” личность – это “цифровой человек” (“*homo digitalis*”), ориентированный на активное взаимодействие с сетевой информацией, которая в силу ряда своих особенностей и свойств способна не только ингибировать, но и также исказить истинное (или фактуальное, денотативно-референтное) понимание такой информации, в результате чего можно отмечать интенсивную глубину «воздействия цифровых средств массовой информации и коммуникации» в виде оставляемых «следов памяти» (Шпитцер, 2014: 192). Изучение «следов памяти» даёт возможность наблюдать, как они «изменяются под воздействием цифровых медиа» и как они влияют «на нейроны головного мозга» (Sinigaglia, Rizzolatti, 2011; Фрит, 2010) в процессе адаптации и обучения обычного человека новым формам поведения в цифровом формате уклада жизнедеятельности членов общества, чтобы перенести эти формы не только на привычное коммуникативное взаимодействие “лицом – к – лицу” с другими реальными людьми, но также и на взаимодействие с «людьми цифровой эпохи», т.е. как с *homo digitalis*, так и с предметными областями сферы «интернет-вещей (IoT)», и сферы «умных вещей», о которых в своей сказке для детей писал С.Я. Маршак (Маршак, 1964, URL). В интерактивную разновидность общения «человек / когнитивный агент» – «IoT» / «умные вещи» целесообразно также включить взаимодействие с агентоподобными («человекоподобными») системами-машинами (Романов, Романова, 2019: 72-84; 2021: 51-53). Примечательно, что С.Я. Маршак стремился обратить внимание на то, чтобы человек, вступая с конвергентно-комбинированное пространство взаимодействия с «умными

вещами», не забывал важного и главного правила: «умные вещи – для умных людей». Другими словами, задолго до наступления эпохи цифровых преобразований С.Я Маршак привлекал внимание к тому, чтобы в сложном конвергентно-комбинированном пространстве социальной интеракции человек был обучен навыкам и умениям взаимодействовать с миром «умных вещей», т.е. человек должен быть “дигитально грамотным”, чтобы результативно и успешно реализовывать себя в процессе взаимодействия с «умными» интернет-вещами.

В первоочередном порядке шагов анализа начального этапа формирования идентификационных трансформаций важно выделить этапы характерных (типичных) проявлений поведения «супермногофункциональной личности» человека цифрового – человека дигитального, а затем и «человека кибер-виртуального» в конвергентном сетевом пространстве. И в этом процессе режим многозадачности, в который погружается человек, играет далеко не последнюю роль, поскольку условия многозадачного цифрового режима его ментальной (когнитивной) деятельности позволяют прояснить, *что конкретно* кроется за дизруптивными технологиями, направленными на «стирание границ между человеком и машиной» (Шваб, 2016: 107), между «человеком реальным и человеком дигитальным или цифровым», когда реально возможно не только «культурное изменение» их среды обитания, но, вместе с тем, возможна также и потеря навыков привычной «человеческой коммуникации» (Шваб, 2016: 107; Романов, Романова, 2019: 72-84; 2021: 51-53). Являясь типовым носителем определенной «части соответствующей (цифровой) культуры», человек дигитальный является выразителем своих привычных форм поведения в плане количественных показателей своей активности в сетевом пространстве (отправка и получение писем, сообщений, времяпровождение в мобильном телефоне, участие в видеоиграх, “зависание” в социальных сетях и т.п.). Интенсивность цифрового влияния и воздействия является для человека дигитального ключевой позицией, личностной установкой в

процессе своей жизнедеятельности и в реализации форм своего поведения в обществе, так как цифровой / дигитальный человек не мыслит своего образа жизни, позиционирования себя и действий без современных цифровых и интернет технологий.

2. От дрейфующей и текучей идентичности к дигитальным знаниям vs дигитальной идентичности

Динамика формата дигитальной коммуникации поднимает занавес над вопросом о дигитальной (цифровой) идентичности её участников как на уровне интерактивного обмена систем «человек – человек», так и на уровне взаимодействия «человек – человекоподобная / агентивно-подобная система», включая также в этот контекст и системные сетевые взаимодействия на уровне «человек – интернет-вещей / умные вещи», поскольку в нём действуют и проявляют себя вызванные цифровизацией общества «процессы совмещений циркулятивного перехода (или переходов) от Я-различия индивида к совместной и комплексной сетевой Мы-идентификации через *конвергентно-интегративные дигитальные практики*, которые *активно* реализуют свои доминирующие черты или свойства *аутопрезентативности, демонстративности, многозадачности, нестабильности и меняющейся множественности виртуальных идентичностей* и тем самым уже *продуктивно* участвуют (т.е. результативно задействованы) в *динамическом переформатировании идентичности* участников дигитальной интеракции (Романов, Романова, 2019а; 2021). В формате функционального цифрового пространства выделенные комбинаторно - меняющиеся свойства активно участвуют также и в формировании «совместного интегративного соединения “Я-медиа – Мы-медиа”», которое в процессе своего функционирования в киберпространстве реализует себя в роли (или выступает в роли) неделимого *функционального персонажа* собственного производства, созданного путём экспликации демонстративных форм своей сетевой идентичности» во время и на время осуществления функции типового (коллективного, группового) актора или

«человека дигитального» (Романов, Романова, 2019; 2021; Romanov, Romanova, 2021).

Примечательно, что функционально-семантическая специфика выделенных доминантных свойств (черт) дигитальных демонстративно-коммуникативных практик служит в этих условиях трансформационной основой для перехода от единичного “Я-медиа” к «совместному интегративному соединению “Я-медиа / Мы-медиа”, в процессе которого (т.е. перехода) свойства личностной идентичности “Я-медиа” частично растворяются (разливаются, размываются) и тем самым нивелируют (теряют) свои индивидуальные черты в рамках этого интегративного соединения. В результате такого трансформационного перехода “цифровой актер-участник” уже подаёт себя (предстаёт) в роли “типового персонажа” дигитальной интеракции и подстраивает своё сетевое поведение под ситуационные условия её рамочно-сценарной (предписанной) реализации. В этой трансформационной подстройке он больше не выступает в роли самостоятельного индивида, а демонстративно экспонирует (подаёт) себя уже от имени *Мы-медиа*, т.е. от имени всех тех, кто с ним разделяет в сети его взгляды, установки, цели и задачи, перекладывая таким образом ответственность за принятые или принимаемые решения не только на всех сторонников (*Мы*), но также и на ситуационные условия и предписанную (заданную, запрограммированную) сценарность поведения.

Оставаясь в рамках формата сетевого типажа, *Я-медиа* подстраивается под коллективную сетевую идентичность, снимая с себя ответственность за результирующий эффект взаимодействия, чтобы избежать принятия личностных обязательств за посткоммуникативные последствия. В этом плане его действия-практики отличаются от перформативных действий, так как они в сущности превращаются в определенного вида сетевые симулякры. Симулякрый характер таких сетевых действий-практик подчеркивает усреднённость сетевой идентичности “Я-медиа”, растворяющийся в общей массе и нередко даже уклоняющийся от эксплицитной демонстрации

(актуализации) своей гендерной идентичности. перекликается с /
раскрывается

Обозначенная специфика поведения интерактивного участника как “*Я-медиа*” находит своё отражение в плоскости конгруэнции свойств своей личностной идентичности со свойствами коллективной идентичности “*Мы-медиа*”. Результат процесса отмеченной конгруэнции просматривается в том, что такая конгруированная идентичность комплексного единства “*Я-медиа – Мы-медиа*” приобретает в этом процессе свойства «дрейфа» (термин из работы: Jemeson, 1991), «текучести» (Бауман, 2008; Giddens, 1991) или дрейфующей, «меняющейся в сторону / подстраивающейся / адаптирующейся» к мобильным условиям дигитального взаимодействия идентичности. Причём при таком «дрейфе» человек *дигитальной сети* эксплицирует себя не только в рамках сетевого типа демонстративно-форсажного («самозванного») поведения *перформативного сотворения себя* или *форсажного самозванства* (от *Я-коммуникация* до *Я-медиа*), но и предъявляет себя меняющимся в трансформационном процессе «циркулятивного обмена по векторной линии продвижения от *Я-медиа* к *Мы-медиа*» (Романов, Романова, 2019).

В процессе демонстративного сотворения (предложения) себя с целью успешного (согласованного, со-работнического) комбинированного взаимодействия между человеком и агентивноподобной системой-машиной (также: системой-машиной) могут потребоваться разработки объёмного формата «*дигитальных знаний*» или *дигитального дейтинга*, а в последующем и активное овладение таким форматным объёмом всеми потенциальными участниками дигитальной коммуникации. Оказываясь «*ключевым ресурсом дигитальной коммуникации*» и ресурсом её коммуникативно-функциональной (практической, повседневной) «*грамотности*» в плане встраивания (перереформатирования себя и своей идентичности) в парадигму *всеобщей цифровизации обыденной жизни* (или в цифровую мегапарадигму) коммуникативно-информационных технологий

членов сообщества, дигитальные знания надлежит *инвентаризировать* (отобрать наиболее типичные, с точки зрения типового взаимодействия в параметрах «я – здесь – сейчас – агентоподобная система»), *описать*, а также *согласовать* с естественными знаниями обыденной человеческой коммуникации и *выработать* на такой совместной базе систему типовых или инвариантных правил дигитальной интеракции.

Успешное обучение такому коммуникативно-регулятивному ресурсу «дигитальной грамотности» и результативное овладение этим ресурсом позволит всем участникам дигитальной коммуникации *функционально чередовать* (т.е. выбирать с опорой на свои предпочтения, которые заранее могут быть “сценарно” согласованы или должны согласовываться с партнером или партнерами уже в процессе интерактивного обмена) «коммуникативные регистры» *перехода от одной реальности к другой* или быть готовыми к *своевременному комбинированию этих реальностей* в нужный момент метакоммуникативного взаимодействия не только с миром своих «интернет вещей» (“Internet of Things” / “IoT”), но и с другими участниками гиперсетевой интеракции, включая платформы и их «интернет вещей» (подробнее о “IoT” в дигитальной коммуникации см.: Романов, Романова, 2019а). При этом важно не забывать о трансформационных преобразованиях личностно-культурной идентичности.

Выводы и обобщения

Созданная цифровым форматом дигитальная реальность конвергентно-коммуникативного сетевого взаимодействия порождает целый ряд существенных вызовов и ожиданий, обусловленных появлением нового набора трансформационных ролевых проявлений-образов – от *человека социального, коммуникативного* до *человека информативного, медийного и дигитального*. Отмеченный трансформационный процесс способен превратиться в каузативный источник (фактор) возникновения ряда негативных последствий, вызываемых активным влиянием дизруптивных

цифровых технологий и рядом функциональных свойств цифровой коммуникации, которые сказываются на формировании новой «сетевой» идентичности «*homo digitalis*» или «*сетевоего человека*». К таковым можно отнести следующие факторы:

– частичное или даже полное растворение (т.е. отказа от) собственной идентичности и приобщения (слияния, приобретения, принадлежности) к всеобщей (коллективной – *Я / Мы*) идентичности;

– порождение нового типа поведения в форме *демонстративного поведения* человека, зависящего от его вовлеченности в цифровое медиапространство социальных сетей, который приучается не обращать (не фокусировать) внимания на фактуальной реальности (т.е. не способен оценить правду о состоянии дел, вещей и отношений в мире) и не иметь собственной критической оценки реальности и не различать логическую рациональность действий, поступков, условий принятий решений от нелогической;

– появление «ловушек» веры или «ловушек» сетевых Интернет-платформ – например, Google – в виде создаваемого участниками цифровой коммуникации «мира» для себя и под себя, мира для избранных, в котором центром этого мира будут только – *Я / Мы* как персонажи собственного производства.

Безусловно, представленные наблюдения представляют собой всего лишь первое приближение к исследованию описываемых явлений, которые нуждаются в дальнейшем изучении и осмыслении.

Ссылки – References in Russian

Барлоу, 2004 – *Барлоу Д.П.* Декларация независимости киберпространства // *Информация и общество*. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – С. 349–354.

Бауман, 2008 – *Бауман З.* Текущая современность. Пер. с англ. – СПб: Питер, 2008. – 240 с.

Маклюэн, 2004 – *Маклюэн М.* Средство само есть содержание // *Информация и общество*. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – С. 341–348.

Маршак, 1964 – *Маршак С.Я.* Умные вещи. Пьеса-сказка. – М., 1964 [Электронный ресурс]. – URL: [https://www. URL: Royallib.com](https://www.Royallib.com)

Романов, 2020 – *Романов А.А.* Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ. С примерами из русского и немецкого языков. – М.: Ленанд, 2020. – 264 с.

Романов, Романова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Роль цифровой коммуникации в медийном пространстве информационного общества [Электронный ресурс] // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. – 2017, № 1. – С. 1–20. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Романов, Романова, 2018 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Презентационный акт selfie в коммуникативном пространстве социальных сетей [Электронный ресурс] // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. – 2018, № 1. – С. 1–38. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Романов, Романова, 2019 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Демонстративы как маркеры сетевого поведения Я-медиа в цифровой коммуникации // *Настоящее и будущее стилистики: сб. науч. ст. междунар. науч. конф. (13-14 мая 2019 г.)*. – М.: Флинта, 2019. – С. 633–642.

Романов, Романова, 2019а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Сетевые демонстративы как дискурсивные маркеры виртуальной идентичности личности // *Теория речевой деятельности: вызовы современности. Мат. XIX*

Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 6–8 июня 2019 г. – М.: Ин-т языкознания РАН; РУДН; Издательство «Канцлер», 2019. – С. 209–211.

Романов, Романова, 2021 – *Романова А.А., Романова Л.А.* Дигитальная коммуникация в цифровой парадигме: горизонты ожидания [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 1. – С. 36–63. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Фрит, 2010 – *Фрит К.* Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2010. – 182 с.

Шваб, 2016 – *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. Пер. с англ. – М.: Изд-во «Эксмо», 2016. – 138 с.

Шпитцер, 2014 – *Шпитцер М.* Антимозг: цифровые технологии и мозг. Пер. с нем. – М.: АСТ, 2014. – 288 с.

References

Barlow, D.P. (2004) Declaration of Independence of Cyberspace // *Information and Society*, Moscow, AST Publishing House, pp. 349–354. (in Russian)

Bauman, Z. (2008) *Fluid Modernity*, Transl. from English, SPb, Peter, 240 p. (in Russian)

Frit, K. (2010) *Brain and Soul: How Nervous Activity Shapes Our Inner World*, M., Astrel Publishing House, 182 p. (in Russian)

Giddens, A. (1991) *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*, Cambridge, Polity Press, 188 p.

Jameson, F. (1991) *Postmodernism, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Duke, Univ. Press, 438 p.

McLuhan, M. (2004) The tool itself is the content // *Information and Society*, M., LLC "AST Publishing House", pp. 341–348. (in Russian)

Marshak, S.Ya. (1964) *Smart stuff. The play is a fairy tale*, M. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.Royallib.com> (in Russian)

Romanov, A.A. (2020) *Linguopragmatic model of speech control of the dialogue: system analysis*, M., Lenand, 264 p. (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017) The role of digital communication in the media space of the information society [Electronic resource] // *World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*. No. 1. P. 1–20. Access mode: www.tverlingua.ru (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018) Selfie presentation act in the communicative space of social networks [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 1. P. 1–38. Access mode: www.tverlingua.ru (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2019) Demonstrations as markers of self-media network behavior in digital communication // *Present and future of stylistics: collection of scientific articles of International scientific conference (May 13-14, 2019)*, M, Flinta, pp. 633–642. (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2019) Network demonstrations as discursive markers of a person's virtual identity // *Theory of speech activity: modern challenges. Materials of the XIX International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory, Moscow, June 6-8, 2019*, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; RUDN / Editor E.F. Tarasov, M., Chancellor Publishing House, pp. 209–211. (in Russian)

Romanov, A., Romanova, L. (2021) Network behavior of Homo Digitalis in combined communication space // *MSC 2020: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.153

Romanov A.A., Romanova L.A. (2021) Digital communication in a digital paradigm: expectation horizons [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 1. P. 36–61. Access mode: www.tverlingua.ru (in Russian)

Schwab, K. (2016) *The fourth industrial revolution*, М., Publishing house "Eksmo", 138 p. (in Russian)

Shpitzer, M. (2014) *Anti-brain: digital technologies and the brain*, transl. from German, М., AST, 288 p. (in Russian)

Sinigaglia, C., Rizzolatti, G. (2011) Through the looking glass: Self and others // *Consciousness and Cognition*, vol. 20, pp. 64–74.